

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Е.Б. ХИТРУК

КОНЦЕПЦИЯ ГЕГЕМОННОЙ МАСКУЛИННОСТИ В ТЕОРИИ РЭЙВИН КОННЕЛЛ: ОТ XX К XXI СТОЛЕТИЮ

Аннотация. В данной статье исследуется развитие концепта гегемонной маскулинности в теории известного австралийского социолога Рэйвин Коннелл. Автор статьи анализирует трансформацию некоторых аспектов классической формулировки концепта гегемонной маскулинности в контексте новой социальной и политической ситуации в обществе XXI века. Первая часть статьи посвящена экспликации основных элементов классической постановки вопроса о природе и значении маскулинности. К таковым автор статьи относит понятия «гегемония», «гендерный порядок», «гендерные режимы», «гендерная структура», «гендерная композиция». Во второй части статьи обозначаются проблемные моменты классической формулировки концепта гегемонной маскулинности, связанные с редукционистским и эссенциалистским способами интерпретации. Пересмотр концепта гегемонной маскулинности должен осуществляться, с точки зрения Рэйвин Коннелл, в четырех основных направлениях: природа гендерной иерархии, география конфигураций маскулинности, социальная телесность и динамика маскулинностей. Критическое переосмысление основных элементов концепции гегемонной маскулинности становится особенно актуальным в XXI веке вследствие специфики современной политической ситуации, актуализирующей тенденцию гендерной реакции в политике и культуре. В третьей части статьи подчеркивается онтологическое значение концепта гегемонной маскулинности, который трансформируется в теории Рэйвин Коннелл в вопрос о сложном и подвижном способе бытия человечества, его сущностной эффективности и возможной альтернативе развития истории как таковой. В статье делается вывод, что концепция гегемонной маскулинности сегодня — это основной концептуальный каркас, обладающий достаточной сложностью

Хитрук Екатерина Борисовна — кандидат философских наук, доцент, кафедра онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный исследовательский Томский государственный университет.
Адрес: 634050, Томск, пр. Ленина, д. 36. **Телефон:** +7 (923) 417-74-04.
Электронная почта: lubomudreg@gmail.com

и одновременно достаточным смысловым единством для того, чтобы эффективно раскрывать функционирование чрезвычайно значимых механизмов гендерного неравенства.

Ключевые слова: гегемонная маскулинность; Рэйвин Коннелл; гендерный порядок; гендерная композиция; гендерные режимы; мужские исследования.

Для цитирования: Хитрук Е.Б. Концепция гегемонной маскулинности в теории Рэйвин Коннелл: от XX к XXI столетию // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 4. С. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5526

Рэйвин Коннелл — профессор Сиднейского университета, признанный классик мужских исследований, автор таких ключевых концептов современной гендерной теории, как «гегемонная маскулинность», «гендерный порядок», «гендерные режимы». Однако несмотря на то, что концептуальная база исследований Коннелл была заложена еще в 80-е годы XX века, до сих пор автор считает полезным и даже необходимым постоянное возвращение к основным формулировкам своей теории, их существенный пересмотр и продуктивное переосмысление. Социальные трансформации в современном мире становятся настолько динамичными, а границы традиционных ролевых локусов настолько проницаемыми, что любые фиксированные определения, насколько бы успешными они ни были, быстро теряют свою актуальность и требуют новых, более адекватных, сложных, утонченных дескриптивных подходов. Это «вечное возвращение» к формулированию основных принципов и механизмов функционирования гендерной системы — единственный способ исследования подвижной социальной реальности, помогающий избежать опасной редукции изучаемого феномена к тем или иным застывшим теоретическим конструкциям.

Тем более эта исследовательская установка актуальна в контексте той сложной ситуации, в которой находится сегодня российское общество. Так называемый «консервативный поворот» объявляет любое вопрошание о мужском и женском излишним и даже вредным, противоестественным в мире «понятных» традиционных ценностей и «естественных» половых ролей. Однако просто «закрывать глаза» на реальность — стратегия малоэффективная, бессильная перед остротой и значимостью современных вопросов, социальных вызовов нашего времени. В связи с этим, по меткому замечанию Анны Темкиной, исследования Рэйвин Коннелл становятся своеобразным противоядием «относительно упрощенного понимания гендера и натурализации гендерных отношений» [11, с. 141].

В данной статье предпринимается попытка проследить основные направления развития концепта маскулинности в теории Рэйвин Коннелл от классической постановки вопроса в 1980-х годах до открытия новых перспектив в контексте общественных трансформаций XXI века.

Классическое определение

Итак, классическая постановка вопроса о природе и значении маскулинности связывается в работах Коннелл с концептом гегемонной маскулинности. Опираясь на идеи итальянского философа Антонио Грамши, который впервые вводит в политический дискурс понятие гегемонии как уникального сочетания двух легитимирующих элементов доминирования — силы и согласия [3, с. 220], Коннелл обозначает концепт гегемонной маскулинности как некий систематизирующий принцип, выстраивающий многообразные маскулинные практики в некоторое динамичное иерархическое соотношение. «“Гегемонная маскулинность”, — подчеркивает Р. Коннелл, — не является неизменным типом характера, всегда и всюду одинаковым. Это скорее маскулинность, которая занимает гегемонное положение в данной гендерной структуре, впрочем, данное положение постоянно оспаривается» [8, с. 57].

Таким образом, Коннелл объясняет тесную взаимосвязь множественных проявлений маскулинности с общей системой доминирования, которая обозначается как «мировой гендерный порядок» [6, с. 858]. Норматив гегемонной маскулинности на всех уровнях общественной структуры воздействует на самосознание индивидов, представляя существующий порядок доминирования как единственно возможный и естественный, что продуцирует символическое согласие индивидов на поддержание политического режима. Концепт гегемонии в теории Рэйвин Коннелл, также как и в теории Антонио Грамши, указывает, с одной стороны, на существование определенной глобальной политической системы, а с другой стороны — на то, что ее функционирование активно поддерживается не только объективными силовыми структурами, но и более тонкими механизмами встроенных в культурную память и дискурс нормативных канонов.

Таким образом, помимо различных способов подавления и исключения процесс формирования гендеризованных социальных групп (гендерная композиция [7, с. 160]) опирается на определенные нормативные механизмы иерархического упорядочивания разнообразных социальных практик. Иерархия выстраивается вокруг нормативного канона гегемонной маскулинности, который выступает в качестве основного организующего социального принципа. «Гегемонная маскулинность, — пишет Рэйвин Коннелл в своей основополагающей работе “Гендер и власть”, — всегда конструируется по отношению к разнообразным подчиненным маскулинностям, а также по отношению к женщинам. Взаимоотношение между разными формами маскулинности составляет важнейшую часть действия патриархатного социального порядка» [7, с. 249].

При этом необходимо отметить, что, хотя в заданную иерархию встраиваются как маскулинные, так и фемининные образы и прак-

тики, фемининность не формирует отдельного нормативного канона. Не существует в собственном смысле гегемонной фемининности, хотя, безусловно, существуют разнообразные эталоны женского поведения, в большей или меньшей степени социально одобряемые. «Фемининность» как женственность в противоположность мужественности и «феминности» как разнообразные женские практики в полной мере вписываются в сферу организующего влияния гегемонной маскулинности. Более того, в определенном смысле именно фемининность и феминности наряду с маргинализированными моделями маскулинности поддерживают мужскую гегемонию. Как отмечает Коннелл, «...все формы феминности в обществе конструируются в контексте общего подчинения женщин мужчинам. Поэтому не существует такой формы феминности, которая у женщин занимала бы такую позицию, какую гегемонная маскулинность занимает у мужчин» [7, с. 254].

Таким образом, «понятие “гегемония” в словосочетании “гегемонная маскулинность” означает социальное доминирование, достигаемое в результате игры социальных сил» [7, с. 250]. С одной стороны, это определение подчеркивает второстепенное значение грубой силы в поддержании порядка доминирования, поскольку действительные примеры насильственных практик, «работающих» на поддержание мужской гегемонии, чрезвычайно распространены, однако базируются на более тонких и сложных культурных и нормативных механизмах, чем «изнасилование» или «избиение» как таковые. С другой стороны, это определение делает явным существование альтернативных позиций, которые отнюдь не нивелируются гегемонным порядком, но подчиняются ему в результате согласования. Без признания таковых позиций невозможно объяснить регулярное оспаривание мужского доминирования в исторической перспективе. Более того, игра гегемонной маскулинности не приводит не только к истреблению разнообразия возможностей и практик, но и к распространению определенного типа мужчины, воплощающего в своей жизни все значимые атрибуты гегемонного нормативного канона. Одна из самых важных характеристик гегемонной маскулинности — это ее публичный характер, в рамках которого формируются и предлагаются обществу фантастичные, недостижимые и противоречивые мужские образы, имеющие мало общего с большинством обычных мужчин. Однако распространение и романтизация этих образов позволяет многим обычным мужчинам извлечь из этого существенную выгоду, что само по себе поддерживает разнообразные конкретные проявления мужского доминирования, а следовательно, и сам гендерный порядок общества в целом.

Пользу, которую извлекает большинство мужчин из гегемонного паттерна культуры, Рэйвин Коннелл обозначает как «патриархальные дивиденды», позволяющие множеству самых обычных мужчин,

обладающих самыми ординарными способностями, повсеместно доминировать над женщинами. Патриархальные дивиденды обеспечивают возможность отстранения женщин от значительной доли материальных благ и социального капитала. Таким образом, происходит формирование «мужского сообщничества» — пассивной поддержки патриархатной модели общества теми группами мужчин, «которые хоть и получают патриархальные дивиденды, все же не напрягаются и не подвергают себя такому риску, который испытывают мужские группы на передовой фронтов патриархата» [8, с. 59].

Еще одной важной чертой гегемонной маскулинности является ее гетеронормативный характер. Гетеронормативность включает в порядок мужского доминирования помимо образов маскулинности и фемининности еще и направленность желаний. Поощряемая направленность сексуального желания является мощным механизмом подчинения женщин, поскольку представляет им зависимость по отношению к мужчинам как главное условие личного счастья. Несоблюдение норматива гетеросексуальности совершает ту же работу субординирования по отношению к мужчинам, нарушающим общий порядок демонстрации гетеросексуальности. Таким образом, гегемонная модель маскулинности эффективно «расправляется» и с фемининностью домохозяек, и с маргинализованной маскулинностью сексуальных меньшинств. Однако гетеронормативность не является, конечно, единственным способом маргинализации мужских образов и практик. Эти способы многообразны и создают определенное поле напряжения, в котором осуществляется социальная игра гегемонной маскулинности. Как отмечает Коннелл, богатейший словарь оскорблений, постоянно применяемых к мальчикам и мужчинам в современном обществе, явно демонстрирует это напряжение: «тряпка, молокосос, ботан, баба, мягкая печень, слизняк, мягкотелый, сладкая задница, дамский пальчик, слабак, жирдяй, слойка с кремом, сукин сын, детские штанишки, маменькин сынок, четырехглазый, тюфяк, гик, неженка, жирный зад и т. д.» [8, с. 59]. При всем многообразии приведенные оскорбления так или иначе обыгрывают тему женственности (изнеженности, мягкости) либо тему гомосексуальности.

Социальная игра, в которой реализуется гегемония гетеросексуальных мужчин, как было отмечено выше, осуществляется благодаря определенному сочетанию различных моделей маскулинности и фемининности, своим согласием поддерживающих существующий порядок. Однако само фактическое разнообразие форм и практик представляет собой постоянную возможность рассогласования порядка гегемонной маскулинности, постоянную угрозу оспаривания наличного положения вещей.

Механизмы указанного порядка согласования функционируют самым явным образом на всех уровнях общества. Это обстоятельство

позволяет говорить о некоей гендерной структуре, регулирующей конкретные практики гендера в общем поле игры согласования. Рэйвин Коннелл предлагает учитывать три основных взаимодополняющих элемента данной структуры: труд, власть и катексис. «Введение процедуры структурного описания, — пишет Коннелл, — не означает возникновения нового круга тем или новой проблематики. Разделение труда, структура власти, структура катексиса являются главными элементами любого гендерного порядка или гендерного режима. Структурные модели и структурные инвентари являются принципиально взаимодополняющими способами рассмотрения одних и тех же фактов. На практике они постоянно применяются вместе, смещаются лишь акценты» [7, с. 137]. Иными словами разделение труда, власть и катексис представляются своеобразными призмами, посредством которых становится возможным детальный анализ порядка гегемонной маскулинности, проявляющегося вполне осязаемым образом в наличных практиках гендера.

Исследование социальной реальности с помощью данных структурных элементов позволяет Коннелл утверждать, что распределение труда в современном обществе базируется на жесткой гендеризованной спецификации, помещающей женщин в заведомо бесперспективные экономические ниши. Для этого нет необходимости узаконивать женское неравенство. Напротив, риторика эгалитаризма может вполне мирно сосуществовать с распределением сфер занятости относительно репродуктивной сферы, которая традиционно относится к женской компетенции. Полный рабочий день, дифференциация при подготовке специалистов и соответствующая ей дискриминация при найме, «двойная нагрузка», связанная с невидимостью и обесцениванием домашнего труда, — механизмы сосредоточения материальных благ в мужских руках. Как отмечает Коннелл, «как бы неправдоподобно это ни звучало, накопление богатства тесно связано с репродуктивной сферой посредством социальных гендерных отношений» [8, с. 55].

Власть как структурный элемент гендерного порядка проявляется в повсеместной субординации женщин по отношению к мужчинам, которая поддерживается как утонченными идеологическими и нормативными установками, так и посредством прямого насилия, а также угрозы насилия, которая удерживает в атмосфере страха практически всех женщин за редким исключением. Огромная распространенность в подавляющем большинстве стран мира бытового насилия, которое происходит «за закрытыми дверями», в атмосфере страха, унижения и экономической зависимости, практика изнасилований, сексуализация женских образов в СМИ и рекламе, внушительные масштабы секс- и порно-индустрии сочетаются в современном обществе с настоящим запугиванием женщин «от посвистывания на улице до домогательства на работе» [8, с. 62].

И наконец, катексис как направленное чувственное желание выражает один из самых мощных механизмов поддержания мужского доминирования в контексте режима гетеронормативности, а именно: натурализацию гетеросексуальности. Последовательно проводимая натурализация сексуального влечения становится аргументом для легитимной маргинализации нарушителей «естественного» порядка — сексуальных и гендерных меньшинств. Значительный вклад современной гендерной теории связывается Коннелл с раскрытием социальной природы катексиса: «сексуальность осуществляется и разыгрывается, а не “выражается”» [7, с. 154].

Все три рассмотренных элемента функционируют взаимосвязано в масштабе всего общества. Однако их проявления всегда конкретизированы в соответствии со спецификой того или иного социального института, посредством которого эти структурные элементы воздействуют на индивидуальное самосознание и поведенческие практики. Р. Коннелл утверждает, что институциональный уровень анализа гендерных отношений является чрезвычайно значимым, однако при его осуществлении необходимо избегать традиционной ошибки редуцирования сложной системы гендерного порядка к рассмотрению одного института, который реализует практики доминирования в общем гендерно нейтральном поле. Таковым институтом традиционно представляется семья. Коннелл утверждает, что в реальности ни один социальный институт не свободен от гендеризирующего влияния структурных элементов гегемонной маскулинности. Задача исследователя состоит в разоблачении этого влияния, что в контексте рассмотрения конкретного института означает экспликацию его специфического «гендерного режима», то есть наличного состояния гендерных отношений [7, с. 164].

При таком подходе семья может быть рассмотрена как одно из полей функционирования общего порядка доминирования, обладающее специфическим гендерным режимом наряду с другими институтами, а не в противовес им. При этом исследователь, по мнению Коннелл, должен избавиться от упрощенного понимания семьи как элементарной ячейки общества, лежащей в основе более сложных социальных конструкций. Семья представляет собой одно из самых сложных и напряженных переплетений разного рода социальных норм и практик. Как отмечает Коннелл, «внутренний мир семьи представляет собой совокупность многоуровневых отношений, накладывающихся друг на друга как геологические слои. Ни в одном другом институте отношения не являются столь протяженными во времени, столь интенсивными по степени контакта, столь плотными по переплетению экономики, эмоций, власти и сопротивления» [7, с. 165].

Поскольку существование семьи тесно связано с организацией домохозяйства, механизм гендерного разделения труда проявляется

в этой сфере социальных отношений особенно явно. В семейной жизни, как правило, сохраняется, поддерживается и закрепляется традиционное представление о публичности и оплачиваемости мужского труда, в то время как работа по хозяйству и уход за детьми, которые представляют собой «невидимый» и неоплачиваемый, но необходимый для жизнеобеспечения семьи труд, относятся к женским обязанностям. Это разделение обязанностей в домохозяйстве оказывается тесно связанным с властными отношениями в семье. Поскольку мужчина реализуется в публичной сфере, зарабатывает деньги и распоряжается материальными средствами, а также собственностью семьи, приобретенной на эти средства, положение женщины становится экономически зависимым, а следовательно, психологически и социально уязвимым. Таким образом обеспечивается власть мужчины над женщиной, зачастую сопровождающаяся и демонстрацией физической силы, а также угрозой насилия, которая является дополнительным субординирующим фактором для женщины, не имеющей «путей к отступлению» в виде личной собственности и средств к существованию. И наконец, властные отношения в семье распространяются на контроль и регулирование женской сексуальности, которая рассматривается сквозь призму удовлетворения «естественного» мужского желания. Формами этого желания, а также способами его удовлетворения распоряжаются преимущественно мужчины [7, с. 168].

При всей сложности, многослойности и напряженности феномена семьи было бы большой ошибкой, как отмечалось выше, игнорировать гендеризованный характер других социальных институтов. Так, например, значительное внимание Коннелл уделяет анализу гендерного режима государственной структуры. Долгое время исследователи были склонны рассматривать государство как относительно нейтральный в гендерном отношении институт. Однако встроенность государства в общий порядок мужского доминирования становится предметом нарастающего интереса со стороны феминистских теоретиков. Поводов для этого внимания существует достаточно: государство поддерживает гендерное разделение труда в военной сфере, запрещая женщинам служить в армии; государство использует явные и скрытые механизмы исключения женщин из состава руководящей элиты в большинстве стран мира, соответственно, основные политические решения принимаются мужчинами; государство контролирует сферу сексуальных отношений своих граждан, реализуя политику контроля над рождаемостью; государство контролирует образовательные программы, регулирует стандарты сексуального просвещения и т. д. «Трудно отрицать тот факт, — отмечает Р. Коннелл, — что государство глубоко интегрировано в гендерные отношения» [7, с. 177].

Таким образом, самые разные социальные институты поддерживают гендерный порядок и его структурные элементы посредством

институциональных гендерных режимов. Это исследование открывает, с точки зрения Коннелл, совершенно новую перспективу в понимании гендера, трансформируя классическое представление о гендере как индивидуальном свойстве или индивидуальной социальной роли, в теорию гендера как процесса, организующего социальную реальность. Более того, новое понимание гендера полнее выражается в глагольной форме, нежели в форме существительного: «я гендерую, ты гендеруешь, она гендерует» [7, с. 192]. Гендер — это то, что происходит, свершается и конструируется на различных уровнях социальной реальности; это процесс, который создается индивидами, группами и институтами в общем порядке гегемонной маскулинности. И если это действие, или процесс, как можно убедиться из приведенных выше аргументов, является репрессивным, то встает вполне закономерный вопрос о перспективах развития человеческого общества. С точки зрения Рэйвин Коннелл, тот критический уровень, которого достигла современная гендерная теория, — это значимое достижение как современного научного сообщества, так и общественного самосознания в целом. Однако этот качественно новый уровень рефлексии вовсе не гарантирует, что маскулинная идеология и согласованные с ней гендеризирующие механизмы попросту прекратят свое существование. Современное общество подошло к чрезвычайно значимой точке выбора — поддержание или свержение гендерного порядка социальной реальности. Если первый вариант представляет собой инерционную модель развития, то второй вариант требует особой ответственности и глубины осознания, поскольку раскрывает абсолютную новизну назревших социальных преобразований.

Деконструкция гендера, с одной стороны, представляется этической необходимостью и продиктована стремлением нивелировать поддерживающие порядок гегемонной маскулинности механизмы социальной репрессии и прямого физического насилия; но, с другой стороны, эта деконструкция настолько трансформирует человеческий опыт, что достаточно сложно предсказать последствия данной трансформации. Никто из современников никогда не жил в дегендеризованном обществе, а следовательно, опасений эта перспектива вызывает гораздо больше, чем надежд. Не потеряет ли общество основной механизм структурирования социальных отношений? Не станут ли люди неотличимыми друг от друга, безликими? Захотят ли люди жить в обществе, настолько непохожем на все ранее известные формы социальной организации? С точки зрения Коннелл, деконструкция гендера может привести к существенному обеднению человеческого опыта. Не только опыт угнетения и дискриминации так или иначе восходит к гендерному порядку, но также и опыт культурного вдохновения, восприятия своей телесности, организации повседневности. «Наш эротизм и наше воображение, — отмечает Коннелл, — и ограничиваются, и подпитываются гендером» [7, с. 389].

Воссоздание гендера на принципах равенства в разнообразии и осознания историчности гендерных дефиниций позволит обществу сохранить интригу различения и связь с предшествующими поколениями. При этом механизмы субординации женщин и маргинализированных групп мужчин прекратят свое существование. Натурализация гендера должна быть последовательно разоблачена, чтобы обнаружился имеющие социальные и исторические истоки формы гендерных отношений.

Таково первоначальное представление о порядке гегемонной маскулинности, структурирующих элементах этого порядка, институциональных режимах, которые способствуют его поддержанию, и возможных перспективах его преодоления, сформулированное Рэйвин Коннелл в конце 1980-х годов. Данное концептуальное видение за прошедшие три десятка лет обрело статус главной методологической парадигмы в изучении феномена маскулинности и разнообразных практик маскулинности в традиционном и современном обществах. Сама Р. Коннелл отмечает серьезный вклад концепта гегемонной маскулинности в осмысление мужчин, гендера и социальной иерархии [12, с. 829–830]. Данный концепт оказался столь необходимой связующей линией между развивающимися мужскими исследованиями, феминистским анализом патриархата и социологическими моделями гендера, что приобрел значительную популярность в исследовательской среде [12, с. 830; 16; 18; 19]. Однако трансформация социальной реальности в настоящее время представляет собой настолько динамичный процесс, что те острые вопросы, которые затрагиваются в первоначальной формулировке концепта гегемонной маскулинности, сегодня нуждаются в переосмыслении на новом уровне и в новых терминах, релевантных современной ситуации относительно распределения власти, разнообразных практик насилия на личном и общественном уровнях, преобразования семьи и сексуальности.

Переосмысляя концепт...

С точки зрения Рэйвин Коннелл, широкое использование концепта гегемонной маскулинности сделало явными некоторые слабые стороны данной теоретической конструкции, нуждающиеся в уточнении и переосмыслении. К таким спорным моментам относится то, что первоначальная формулировка предполагает рассмотрение всех моделей маскулинности и фемининности в терминах единственной модели власти — глобального доминирования мужчин. Первоначально такая постановка вопроса была оправдана, поскольку удерживала рассмотрение разнообразных практик маскулинности в контексте общей властной иерархии, не допускала сведение политически напряженной ситуации к простой фиксации конкурирующих жизненных стилей. Однако спустя несколько десятилетий стало очевидно, что данная модель является несколько упрощенной

и нуждается в пересмотре, поскольку способствует эссенциалистской интерпретации гегемонного типа маскулинности как фиксированной совокупности определенных черт характера [12, с. 846].

Пересмотр концепта гегемонной маскулинности должен осуществляться, с точки зрения Рэйвин Коннелл, в четырех основных направлениях: природа гендерной иерархии, география конфигураций маскулинности, процесс социального воплощения и динамики маскулинностей.

Гендерная иерархия. Современные исследования демонстрируют сложность отношений между различными формами и практиками маскулинности. На локальном уровне, например, понимание гегемонной маскулинности часто предполагает большое разнообразие смыслов, которые отличаются друг от друга, однако при этом находятся в постоянном структурированном взаимодействии между собой. Различные паттерны гегемонной маскулинности могут влиять друг на друга, а также меняться благодаря включению некоторых элементов друг друга. Особого внимания заслуживает роль в поддержании гендерной иерархии оппозиционных моделей фемининности, в рамках которых также конструируется мужской гендер. Например, объективация женского тела в средствах массовой информации, порно-индустрии, косметологическом бизнесе напрямую способствует формированию потребительского отношения к женщине как средству для накопления «символического капитала» мужественности. И хотя изначальная формулировка концепта гегемонной маскулинности предполагала изучение женских практик и паттернов, впоследствии они были смещены за рамки фокуса рассмотрения в мужских исследованиях, что привело к недооценке значимости женского опыта в поддержании гендерной иерархии. В то же время исследования жизненных историй показывают, что женские фигуры часто являются центральными в процессе построения маскулинности — как матери, одноклассницы, подруги, сексуальные партнерши, жены и т. д. Женские практики, а также взаимное влияние фемининностей и маскулинностей, безусловно, заслуживают более пристального внимания в контексте исследования гегемонной маскулинности. Поэтому наше понимание гегемонной маскулинности должно включать более целостное представление о гендерной иерархии, совмещающее как уже признанную роль доминирующих групп, так и значимый вклад в политику гендерных отношений субординированных групп, а также взаимное согласование гендерной и других социальных динамик.

География маскулинностей. Большое значение в исследовании гегемонной маскулинности постепенно обретает специфика конструирования маскулинностей на региональном и глобальном уровнях. В современной ситуации глобализации можно говорить об

интернациональном уровне конструирования маскулинностей, о так называемой «глобальной бизнес-маскулинности» [6]. Однако в то же время рассмотрение частных «местечковых» моделей маскулинности не теряет своей актуальности, поскольку подчеркивает историчность и динамичность маскулинных практик в социальном контексте. Рэйвин Коннелл убеждена в том, что в современных условиях не только возможно, но и необходимо изучать гегемонную маскулинность именно в географическом контексте. Коннелл предлагает структурировать данный подход относительно трех основных уровней рассмотрения: локального, регионального и глобального. Локальный уровень конструируется на основе личного взаимодействия людей в рамках семьи или организации, что обычно изучается в рамках этнографических и биографических исследований. На региональном уровне происходит конструирование гегемонной маскулинности в культурном или государственном контексте, что, как правило, изучается в политических и демографических исследованиях. Глобальный уровень конструирования гегемонной маскулинности осуществляется на транснациональных аренах, таких как мировая политика, транснациональный бизнес и медиа, которые изучаются в появившихся исследованиях маскулинности и глобализации [12, с. 849]. Каждый уровень конструирования гегемонной маскулинности оказывает специфическое воздействие на общее поле гендерной политики. «Глобальные институты, — отмечает Коннелл, — оказывают давление на региональные и локальные гендерные порядки; в то время как региональные гендерные порядки предоставляют культурные материалы, принятые или переработанные на глобальных аренах, и обеспечивают модели маскулинности, которые могут иметь важное значение для локальной гендерной динамики» [12, с. 849]. Так, например, конструируемые на региональном уровне символические модели гегемонной маскулинности актеров, спортсменов или политиков задают определенные рамки для повседневных практик мужественности в локальном контексте. Причем эти рамки могут не только приниматься, но и трансформироваться и оспариваться в конкретной ситуации, однако они остаются неким материалом, который определяет «повестку дня» на локальном уровне.

Тем не менее нельзя переоценивать «географическую вертикаль», полагая, что определение конкретных режимов доминирования происходит исключительно сверху вниз: от глобального к региональному уровню, а затем от регионального к локальному. Значимые процессы происходят на всех уровнях географической пирамиды, а следовательно, равного внимания заслуживают в контексте исследования гендерных отношений и глобальные миграционные процессы, и локальные паттерны гегемонной маскулинности, основанные на спортивных достижениях. Схема географических

уровней формирования гегемонной маскулинности служит лишь указанием на важность места, что в определенном смысле страхует исследователя от представления о монолитности дискурсов и культур. И только учитывая эту многомерность социальных ниш можно говорить о сочетании множественных локальных моделей маскулинности с сингулярностью гегемонной маскулинности на уровне государства или целого общества.

Социальная телесность. Рэйвин Коннел рассматривает социальную телесность как еще один чрезвычайно значимый элемент формирования гендерных отношений. Социальная телесность подразумевает различные способы репрезентации и использования мужских тел в контексте механизмов реализации паттерна гегемонной маскулинности. Сама по себе актуализация телесного аспекта маскулинных практик характерна и для изначальной формулировки концепта гегемонной маскулинности. Однако Коннелл утверждает, что в современном контексте исследование телесных практик должно быть дополнено.

Использование мужских тел для демонстрации значимых атрибутов нормативного канона гегемонной маскулинности очевидно в практиках физической активности, демонстративной гетеросексуальности и т. п. Однако простой констатации того факта, что тело как объект вовлечено в процесс социального конструирования гендерных отношений, недостаточно. Как отмечает Коннелл, «тела более активно, более тесно и более запутанно вовлечены в социальные процессы, чем обычно допускает теория. Тела участвуют в социальных действиях, определяя курсы социального поведения, — тело является участником формирования социальной практики» [12, с. 851]. Мы нуждаемся в более утонченном подходе к рассмотрению роли телесности в порядке гегемонной маскулинности.

Для того чтобы понять связь телесности и маскулинности, необходимо осознать, что тела являются «как объектами социальной практики, так и агентами в социальной практике» [12, с. 851]. Множество цепей, где переплетаются телесные процессы и социальные структуры, складываются в исторический процесс, в рамках которого общество оказывается телесным. Это огромное и важное поле для исследования, способное в конечном итоге приоткрыть уникальные механизмы соответствия социальной и гендерной иерархии видимому и осязаемому превосходству одних тел над другими.

Динамика маскулинности. Несмотря на то, что сложность концепта гегемонной маскулинности — общепризнанный факт, исследование многоуровневой и разноплановой внутренней динамики, присущей ему, остается еще за рамками основного фокуса исследовательского интереса. Тщательное изучение историй жизни позволяет увидеть подвижность определений маскулинности, про-

цессы их конструирования, раскрытия и изменения со временем. Одновременно с этим биографический метод также помогает более внимательно изучить противоречия и институциональные переходы, свойственные различным практикам маскулинности.

Динамика гегемонной маскулинности связывается также с разнообразными трудностями, касающимися сочетания внешней демонстрации атрибутов доминирования с внутренними конфликтами на поле межличностных, семейных взаимоотношений и на уровне самопонимания индивида. Как справедливо отмечает Коннелл, «мы должны признать, что гегемонная маскулинность не обязательно переводится в удовлетворительный жизненный опыт» [12, с. 852].

По сути, динамика маскулинности, помимо частных напряженностей, касающихся различных аспектов сложной и многослойной структуры гендерных отношений, предполагает наличие общей динамики, способствующей оспариванию существующего гендерного порядка или, напротив, его реструктурированию в соответствии с постоянно меняющимися условиями. С точки зрения Рэйвин Коннелл, порядок гегемонной маскулинности не предполагает никаких гарантий собственного воспроизводства, поэтому теоретически вопрос о ее будущем остается открытым: «процесс исторически открыт» [12, с. 853].

Однако также большое значение имеет вопрос, возможно ли осознанное управление этим процессом? Могут ли исследователи, осознающие все негативные последствия существующего гендерного порядка (включая дискриминацию по признаку пола, сексуальной ориентации, гендерной идентичности и т. п., а также разнообразные практики насилия), способствовать дегендеризации социума или по крайней мере реструктурированию гендерного порядка и формированию «позитивной гегемонии»? Как показывает история, социальные амбиции такого масштаба трудно реализуемы, а иногда приводят и к прямо противоположным результатам. Однако Р. Коннелл полагает, что последовательное движение в направлении реструктуризации гегемонной маскулинности и демократизации гендерных отношений должно оставаться ключевой стратегией реформирования социального порядка.

Обобщая свои соображения по поводу необходимости переосмысления некоторых ключевых элементов концепции гегемонной маскулинности, Рэйвин Коннелл подчеркивает, что ее формирование было продиктовано необходимостью теоретически осмыслить насущные практические проблемы. Но это осмысление оказалось настолько актуальным и востребованным, что привело к методологическому распространению концепта на разнообразные области социальных исследований — «от образования и психотерапии до предупреждения насилия и международных отношений» [12, с. 853].

Конечно, такая экстраполяция не могла не выявить некоторые аспекты концепции, особенно нуждающиеся в уточнении и более детальном определении в силу трансформации смыслов изначальной формулировки. Сам по себе этот процесс представляет совершенно нормальное развитие социального знания. Однако он также открывает новые пути для трансформации значений в свете новых перспектив для критики, которая всегда будет сопротивляться разнообразным попыткам свести концепт гегемонной маскулинности к фиксированной модели, описывающей определенный тип характера или совокупность токсичных признаков.

Более того, критическое переосмысление основных элементов концепции гегемонной маскулинности становится особенно актуальным в XXI веке вследствие специфики политической ситуации. Как отмечает Коннелл, «обновленный анализ гегемонных маскулинностей становится все более уместным в настоящий момент гендерной политики. В богатых странах глобальной метрополии переход от неолиберализма к неоконсерватизму сделал гендерную реакцию важным политическим и культурным вопросом» [12, с. 854]. Не только консервативная повестка дня, но и совершенно новые механизмы глобализации, такие как транснациональные корпорации, средства массовой информации и службы безопасности, создают новые образцы гегемонии.

Таким образом, формируется совершенно уникальная социальная ситуация, в рамках которой чрезвычайно разнообразие маскулинных практик и паттернов гегемонии сочетается с реакционной гендерной политикой и «маскулиным фундаментализмом», пытающимся вернуть подвижную структуру общества к неоспоримым, фиксированным, «естественным» определениям. Постоянное исследование и оспаривание этих новых паттернов гегемонной маскулинности сегодня представляет собой одну из самых важных задач социальных исследований [13, с. 266; 12, с. 852–853]. Принципиальная открытость текущих гендерных трансформаций, их многослойность и непредсказуемость существенно затрудняют процесс изучения гендерного порядка. Тем не менее интеллектуальное оспаривание современных гендерных режимов само по себе является неотъемлемой частью динамики гендерной структуры, одним из ее значимых движущих элементов.

Реальность гегемонной маскулинности

Первоначальная формулировка концепта гегемонной маскулинности, а также его развитие в современном контексте конструируют сложное, динамичное и открытое к дальнейшей трансформации описание существующего гендерного порядка. Однако само описание, как было отмечено выше, не может претендовать на роль метапозиции относительно структуры гендерных отношений.

Исследовательская работа на всех уровнях гендерного порядка, во всех обозримых сферах методологического применения концепта гегемонной маскулинности представляет собой один из неотъемлемых элементов социальной игры, в которой происходит постоянное осмысление и оспаривание наличного режима доминирования. И именно развитие концепта гегемонной маскулинности обнаруживает и обостряет (делает явной) социальную игру как определенное состояние реальности или как саму реальность.

Если рассматривать обновленную формулировку концепта гегемонной маскулинности в более широком историческом контексте, то можно отметить, что еще столетие назад маскулинность и фемининность осмыслялись как фиксированные величины, встроенные в «естественный» порядок природы, представляющие собой неизменные характеристики в целом ряду других эссенциальных определений, таких как разумное и чувственное, душевное и телесное, внешнее и внутренне и т. д. В сравнении с эссенциалистской парадигмой, господствовавшей в западноевропейской традиции около двух с половиной тысячелетий, теория Рэйвин Коннелл полностью денатурализует, то есть исключает из контекста природного или естественного, маскулинность как предмет социальной дискуссии. Маскулинность осмыляется Коннелл в контексте социальной нормативности и реализуемого в свете данной нормативности разнообразия маскулинных практик, а также гендерных идентичностей. И хотя тело и телесные практики имеют большое значение для экспликации структуры гендерных отношений, Коннелл осознанно дистанцируется от эссенциализма и биологического детерминизма. Гендер, с ее точки зрения, — это своеобразное доказательство отсутствия биологической определенности социальных отношений. Гендер — нечто невозможное в эссенциальном контексте, настоящий «скандал», который постоянно пытаются нивелировать представители неоконсерватизма и эволюционной биологии. Как отмечает Коннелл, «гендер существует именно потому, что биология не определяет социальное. Он обозначает один из тех пунктов перехода, в которых исторический процесс как форма изменения заменяет биологическое развитие» [8, с. 53].

На этом основании Коннелл заменяет традиционное представление о «биологической основе», которая якобы через естественные половые различия определяет гендерные диспозиции в социуме, на понятие «репродуктивная сфера», которое представляет собой фундирующий принцип социальной организации как таковой. Таким образом, Рэйвин Коннелл приходит к осмыслению маскулинности и фемининности как гендерных проектов, организованных в аспекте репродуктивной сферы. Можно сказать, что репродуктивная сфера формирует основную интригу, из которой проистекает «социаль-

ная драма» маскулинности, вокруг которой строится «социальная игра» гегемонии.

При этом Коннелл полагает, что хотя гендерное неравенство тесно взаимодействует с иными видами неравенства, имеющими классовую, расовую или глобальную основу, нельзя рассматривать гендерный порядок как один из многих элементов социальной структуры, поскольку его масштаб значительно превосходит масштаб остальных элементов. Она отмечает, что «гендерные отношения являются главным компонентом социальной структуры в целом, а гендерная политика находится среди главных детерминант нашей коллективной судьбы» [8, с. 56].

Таким образом, нормативный канон гегемонной маскулинности, с одной стороны, представляется продуктом исторически обусловленной организации социальной практики в сфере репродукции, однако, с другой стороны, он сам может рассматриваться как производитель исторического процесса. Принципиально важным моментом Рэйвин Коннелл признает утверждение реальности исторического процесса в онтологической перспективе. Обозримая перспектива истории связана с артикуляцией смыслов и норм человеческой деятельности, а также с разнообразием их реализующих социальных практик в большей степени, чем с биологической «основой», которая в свободной от коннотаций форме вообще не представлена в истории. Исторический процесс, понимаемый в контексте динамики формирования и оспаривания структуры гендерных отношений, и есть единственная реальность, которая доступна человеческому опыту. «Я определяю гендерную практику, — пишет Рэйвин Коннелл, — как онто-формирующую, образующую реальность, и это — ключевая часть той идеи, что социальная действительность динамично меняется с течением времени. Мы обычно думаем, что социальное менее реально, чем биологическое, что изменения менее реальны, чем то, что остается тем же самым. Но в истории заключена огромная реальность. Она является модальностью человеческой жизни, тем, что определяет нас как людей. Никакой другой вид не производит историю и не живет в ней, заменяя органическое развитие радикально новыми детерминантами изменения. В таком случае признать маскулинность и фемининность историческими не означает предполагать, что они неосновательны или незначительны. Это значит твердо определить их местонахождение в мире социальных действий» [8, с. 61].

Таким образом, влияние паттерна гегемонной маскулинности экстраполируется в теории Рэйвин Коннелл не только на институциональные локусы гендерных режимов, не только на политические, экономические и информационные тенденции современного общества в целом, но и на то, что в философской литературе обозначается

как бытие или сущее. В этой онтологической перспективе вопрос о гегемонной маскулинности трансформируется в вопрос об определенном сложном и подвижном способе бытия человечества, а также о возможной альтернативе развития истории как таковой.

Важная роль в преобразовании способа бытия человечества и переструктурировании гендерных отношений отводится Рэйвин Коннелл мужским исследованиям. Будучи на данный момент делом исключительно интеллектуальной элиты, мужские исследования тем не менее имеют огромное значение и для развития общества в целом, и для развития отдельных элементов общественной системы, таких как образование или медицина [13, с. 4–5].

Успех мужских исследований связан с разоблачением социальной природы нормативного канона маскулинности, с денатурализацией мужественности, а следовательно, с активным поиском путей по ослаблению репрессивного давления гегемонной маскулинности на формирование структуры гендерных отношений. Однако оспаривание гегемонных паттернов маскулинности в современном научном и общественном дискурсе сосуществует с мощной тенденцией реэссенциализации, в рамках которой организуются все новые и новые пути поиска «мужской сущности» через противопоставление «женской сущности». Так, например, подавляющее большинство популярных сегодня в России интернет-проектов и тренеров-гуру, позиционирующих себя как «мужские», эксплуатируют эссенциальный концепт «мужской природы» для того, чтобы мотивировать своих последователей на поддержание традиционного образа мужчины, подразумевающего силу, успех, демонстративную гетеросексуальность и власть¹. Обе тенденции могут быть рассмотрены и как предвестники новой эпохи в организации социальных отношений, и как взаимодополняющие аспекты динамики существующего гендерного порядка, обеспечивающие, по сути, его стабильность.

Необходимо также признать, что роль простого наблюдателя социальных процессов, вырабатывающего специфический язык и концептуальный каркас для описания происходящих в обществе трансформаций, в современном мире уже не является приемлемой. Поэтому в области мужских исследований сегодня решаются не только судьбы социальной науки, но и судьбы самой социальной реальности.

¹ Например, см.: Мужской мир: мужской сайт для мужчин и про мужчин (<<http://www.muzhmir.com/statji/chto-delaet-muzhchinu-silnim/671-priroda-muzhchini-chto-nuzhno-razvivat.html>>); Мужской журнал Mensby.com (<<https://mensby.com/women/relations/6294-nature-of-men-and-women>>); ВедаМост (<http://www.vedamost.info/2012/08/blog-post_7915.html>); Мужской университет жизни (<<https://manuniver.ru/>>); Маскулист (<<http://masculist.ru/blogs/post-5187.html>>).

Та роль, которая в современной общественной ситуации возлагается на мужские исследования, сопоставима с ролью женских исследований в развитии феминистского движения. Однако убедить женщин в том, что их подчиненное положение в социуме не является биологически predetermined, что они могут трансформировать социальную ситуацию, прилагая к этому соответствующие усилия, — задача хоть и не простая, но более осуществимая, чем попытка убедить мужчин в необходимости отказаться от преимуществ доминирования ради собственного же блага.

Слишком долго мужское воспринималось исключительно в универсальном контексте, как выражение объективности и человечности как таковой [5]; слишком долго мужское доминирование рассматривалось как естественная часть природного [2] или метафизического [4] порядка; слишком значительны привилегии (тем более значительны, чем более невидимы [15]), которыми пользуются большинство мужчин (от бесплатного женского обслуживания в быту и ответственности за воспитание детей до доступа в элитные круги бизнеса и политики), для того, чтобы мужские исследования легли в основу значительных социальных трансформаций.

Однако позиция самой Рэйвин Коннел по этому вопросу более оптимистична: «Призыв к мужчинам положить конец мужским привилегиям и обновить маскулинности для обеспечения гендерного равенства на многих людей производит впечатление странного или утопического проекта. Однако этот проект уже реализуется. Многие мужчины во всем мире вовлечены в гендерные преобразования» [14, с. 17–18]. Рейвин Коннелл убеждена в том, что большая доступность разнообразных паттернов маскулинности способствует большей свободе выбора жизненных стратегий мальчиков и мужчин, и уже сегодня гендерное неравенство все больше осознается самими мужчинами как динамичный социальный феномен.

Будет ли оправдан оптимизм на новом историческом этапе, в который вступает человечество? Сегодня очень трудно дать на этот вопрос однозначный ответ. Автору данной статьи представляется, что развитие мужских исследований, демократизация гендерных отношений и плюрализация моделей маскулинности и фемининности в современном обществе, безусловно, имеют место. Однако данные позитивные трансформации вполне уравниваются «неоконсервативным поворотом» в текущей политике [9, с. 89], религиозным фундаментализмом, а также продолжающимся и обретающим новые формы поддержки и реализации процессом глобализации мужской гегемонии.

В любом случае подлинная перспектива развития гендерных отношений обретет более конкретные очертания только со временем. Однако бесспорным остается тот факт, что методологическая

парадигма, созданная и развивающаяся благодаря выдающемуся интеллектуальному труду Рэйвин Коннелл, является сегодня основным концептуальным каркасом, обладающим сложностью и смысловым единством, достаточными для того, чтобы эффективно раскрывать функционирование механизмов гендерного неравенства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. — 336 с.
2. *Бурдые П.* Мужское господство // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286–365.
3. *Грамини А.* Избранные произведения в трех томах. Том 3. Тюремные тетради / Пер. с итал. В.С. Бондарчука, В.Я. Егермана, И.Б. Левина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. — 569 с.
4. *Жеребкин С.* Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Часть I. Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 390–426.
5. *Зиммель Г.* Женская культура / Пер. с нем. И.М. Левиной // Зиммель Г. Избранное. Том второй. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 234–265.
6. *Коннелл Р.* Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 851–879.
7. *Коннелл Р.* Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / Авториз. пер. Т. Барчуновой; Науч. ред. перевода И. Тартаковская; Подгот. рус. версии примеч. и библиогр. О. Ечевской. М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 432 с.
8. *Коннелл Р.* Гендер как структура социальной практики // Техника «косо-го взгляда». Критика гетеронормативного порядка. Сборник статей / Под ред. И. Градинари; Пер. с англ. К. Бандуровского, И. Кушнаревой, Л. Фирсавой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 48–64.
9. *Петелин Б.В.* Политический консерватизм христианских демократов Германии в контексте европейских перемен XXI века // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. № 5. 2016. С. 89–94.
10. *Сейсяни В.Т., Хохрина Е.Н.* Взлет и падение американской контркультуры 1960-х в свете концепции культурной гегемонии Антонио Грамши // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2012. Том 14. № 2 (5). С. 1344–1346.
11. *Темкина А.* Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / Авториз. пер. Т. Барчуновой; Науч. ред. пер. И. Тартаковская; Подгот. рус. версии примеч. и библиогр. О. Ечевской. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с. // LABORATORIUM. Журнал социальных

- исследований. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2016. № 1. С. 137–142.
12. *Connell R. and Messerschmidt J.W.* Hegemonic masculinity: Rethinking the concept // *Gender and Society*. 2005. Vol. 19. No. 6. P. 829–859.
 13. *Connell R.* Masculinities. Cambridge: Polity Press; Sydney: Allen & Unwin; Berkeley: University of California Press, 1995. 295 p.
 14. *Connell R.* The Men and the Boys. Sydney, Allen & Unwin, 2000. — 247 p.
 15. *Connell R.* Change among the gatekeepers: Men, masculinities, and gender equality in the global arena // *Signs*. 2005. Vol. 30. No. 3. P. 1801–1825.
 16. *Demetriou D.Z.* Connell's concept of hegemonic masculinity: Acritique // *Theory and Society*. 2001. No. 30. (3). P. 337–361.
 17. *Kimmel M.* A Black woman took my job // *New Internationalist*. November 2004. Is. 373. P. 14.
 18. *Wetherell M., Edley N.* Negotiating hegemonic masculinity: Imaginary positions and psycho-discursive practices // *Feminism and Psychology*. 1999. No. 9 (3). P. 335–356.
 19. *Jewkes R., Morrell R., Hearn J., Lundqvist E., Blackbeard D., Lindegger G., Quayle M., Sikweyiya Y., Gottzén L.* Hegemonic masculinity: Combining theory and practice in gender interventions // *Health & Sexuality*. 2015. Vol. 17. No. S2. P. 96–111 [online]. Accessed 25.11.2017. URL: <https://www.researchgate.net/publication/284195440_Hegemonic_masculinity_combining_theory_and_practice_in_gender_interventions>. DOI: 10.1080/13691058.2015.1085094

Дата поступления: 18.05.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2017. VOL. 23. No. 4. P. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5526

E.B. KHITRUK

National Research Tomsk State University,
 Tomsk, Russian Federation.

Ekaterina B. Khitruk — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University. **Address:** 36, Lenin Avenue, Tomsk, Russian Federation.
Phone: +7 (923) 417-74-04. **Email:** lubomudreg@gmail.com

**THE CONCEPT OF HEGEMONIC MASCULINITY IN THE THEORY
 OF RAEWYN CONNELL: FROM THE XX TO THE XXI CENTURY**

Abstract. This article explores the development of the concept of hegemonic masculinity in the theory of well-known Australian sociologist Raewyn Connell. The author analyzes the transformation of some aspects of the classic definition for the hegemonic masculinity concept in the context of the new social and political situation of 21st century society. The first part of the article is devoted to the explication of the main elements of the classic way to formulate the question on the nature and the meaning of masculinity. The author of this article refers to such concepts as “hegemony”, “gender order”, “gender regimes”, “gender structure”, “gender composition”. In the second part of the

article, the problematic moments of the classic definition for the concept of hegemonic masculinity, associated with reductionist and essentialist methods of interpretation, are specified. From Raewyn Connell's perspective, the concept of hegemonic masculinity is in need of revision when it comes to four main aspects: the nature of the gender hierarchy, the geography of masculinity configurations, the process of social embodiment and the dynamics of masculinity. A critical rethinking of the basic elements of the concept of hegemonic masculinity becomes especially relevant in the 21st century due to the specifics of the current political situation, which actualizes the tendency for gender reaction in politics and culture. The third part of the article emphasizes the ontological significance of the hegemonic masculinity concept, which is transformed in the theory of Raewyn Connell into the issue of a complex and mobile way for mankind's existence, its existential efficiency, as well as a possible alternative path for the development of history itself. The article concludes that today the concept of hegemonic masculinity is the primary conceptual basis, which has sufficient complexity and, at the same time, sufficient semantic unity in order to effectively reveal the functioning of extremely vital mechanisms of gender inequality.

Keywords: hegemonic masculinity; Raewyn Connell; gender order; gender composition; gender regimes; men's studies.

For citation: Khitruk E.B. The Concept of Hegemonic Masculinity in the Theory of Raewyn Connell: From the XX to the XXI century. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 4. P. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5526

REFERENCES

1. Bem S. The Lenses of Gender. Transforming the Debate on Sexual Inequality. [Russ. ed.: *Linzy genera: Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov*. Transl. from Eng. Moscow: ROSSPEN publ., 2004. 336 p.]
2. Bourdieu P. Male domination. Bourdieu P. Social space: Fields and practices. [Russ. ed.: *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. Transl. from French; Select., ed. and afterword by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii publ.; St Petersburg: Aleteiya publ., 2005. P. 286–365.]
3. Gramsci A. *Izbrannye proizvedeniya v trekh Tomakh. Vol. 3. Tyuremnye tetradi*. [Selected works in three volumes. Volume 3. Prison notebooks.] Transl. from Ital. by V.S. Bondarchuk, V.Ya. Egerman, I.B. Levin. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury publ., 1959. 569 p. (In Russ.)
4. Zherebkin S. Gender issues in philosophy. *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Chast' I. Uchebnoe posobie*. [Introduction to gender studies. Part I. Schoolbook.] Khar'kov: KhTsGI publ.; St Petersburg: Aleteiya publ., 2001. P. 390–426. (In Russ.)
5. Simmel G. Women's Culture. Transl. from Germ. I.M. Levina. *Izbrannoe. Vol. 2. Sozertsanie zhizni*. [Selected Papers. Volume two. Contemplation of life.] Moscow: Yurist publ., 1996. P. 234–265. (In Russ.)
6. Connell R. Masculinities and Globalization. *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. II: Khrestomatiya*. [Introduction to gender studies. Part II: Reader.] Ed. by S.V. Zherebkin. Khar'kov: KhTsGI publ., 2001; St Petersburg: Aleteiya publ., 2001. P. 851–879. (In Russ.)
7. Connell R.W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. [Russ. ed.: *Gender i vlast': obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika*. Authorized transl. by T. Barchunova; Ed. by I. Tartakovskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2015. 432 p.]
8. Connell R. Gender as a structure of social practice. *Tekhnika «kosogo vzglyada». Kritika geronormativnogo poryadka. Sbornik statei*. [Technique of "sidelong glance". Criticism